

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Иван Штраух

**Личный
опыт**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ИВАН ШТРАУХ

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

© Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
© Terra—Книжный клуб, 2008

КОШКИН ДОМ

Старушка была права хотя бы в том, что странные сочетания обыденных операций вгоняют нас в ступор. Ну, например, попробуйте найти в столице человека, который установил бы вам на балконе — нет, не решетки — сетку.

В молодости тетя Римма была геологом. С неподъемным рюкзаком она прошла всю Россию, а конкретно — облазила все ее уголки (ибо при ближайшем рассмотрении выясняется, что наша необъятная Родина вся сплошь состоит из уголков — и в каждом такое творится!). Коренастая, с короткой стрижкой, маленькими цепкими глазками, простая, как палка, не снисходящая до того, чтобы завлекать мужчин мини-юбками и боевой раскраской, она так и прошагала по жизни, как маленький целеустремленный искатель полезных ископаемых. Замуж она не вышла — и всегда гордо рассказывала о своей невинности.

Когда мой друг Гавриков услышал эту леденящую душу историю, он страшно удивился и не поверил.

— Что? В самом деле? Старая дева — натюрлих? И что, никогда-никогда? Нет, Штраух, она врет. Ну хоть один мужик у нее был наверняка.

— Да никогда никого! — отвечал ему я.

— Так не бывает! — гордо заключил научный спор Гавриков.

Бывает, бывает.

Вторая ошибка тети Риммы состояла в том, что она яростно пропагандировала естественную красоту. И, осматривая моих подружек (если ей, разумеется, предоставлялась такая возможность), всякий раз недовольно крякала.

— Намазанные, раскрашенные. Вот, посмотри, Ваня, на меня. У меня все натуральное: волосы, цвет лица, зубы...

— И что, Римма, в этом хорошего? — спросила ее однажды мать, которой надоело из года в год слышать про «все натуральное».

...Я говорю: «старая дева» — подразумеваю: «кошки». Соответственно говорю: «кошки» — мыслю: «старые девы».

У тети Риммы было два огромных ленивых разожравшихся кота — Марсик и Сникерс (легко догадаться, что имена свои они получили в годы тотального потрясения американскими батончиками). Сама не знакомая с муками пола, тетя Римма кастрировала своих любимцев. Она была свято уверена, что лучше вообще не знать, что такое жизнь, чем мучиться от невозможности осуществить ее страстные заветы.

Не зная, чего лишила их тетя Римма, коты нежно ее любили. Они встречали ее после работы, ездили с ней на дачу, горделиво восседая на заднем сиденье тетиной «девятки». Когда тетя разговаривала с ними по душам или комментировала новостные программы, Марсик и Сникерс внимательно слушали ее излияния. Рыжий Марсик был сибаритом и философом, зато Сникерс — нервным интеллигентом. Вообще, о котах тетя Римма могла рассказывать часами. И даже в пылу увлечения утверждала, что ощущает через котов связь с космосом.

Собственно, на то она и была старой девой, чтобы ощущать эту связь таким нетрадиционным способом.

Переходим к трагической части нашего повествования.

Тетя Римма жила на четвертом этаже. В летнюю жару она всегда открывала балкон, где, развалившись под цветочным ящиком с петуниями и душистым горошком, в тенечке проводили свое время Марсик и Сникерс. Мысль, что коты могут звездануться вниз, Римме в голову не приходила. Во-первых, она считала котов слишком умными, чтобы они вот так запросто свалились с балкона. Во-вторых, как известно, коты были кастрированные, а значит, желания пошляться по крышам у них не должно было возникнуть.

Но случилось страшное. Тетя Римма выскочила вечером в магазин за «Вискасом», а вернувшись, обнаружила у пустой миски только Сникерса. Марсик куда-то исчез. Тетя облазила все шкафы и углы, заглянула в кладовку и под ванну. И только потом страшная догадка осенила ее.

— Сникочка, сынок, — приговаривала тетя Римма, заглядывая в зеленые глаза Сникерса, — а где же Марсик? Он упал с балкона, Сникочка?

Сникерс мяукнул, поскольку очень уж хотел жрать, а тетя Римма застыла с открытой банкой «Вискаса» в руках.

— Так он упал? Господи! — воскликнула она.

Кот внимательно смотрел на тетю Римму, ожидая щедрой кормежки и ласки. Тетка же поняла кошачий взгляд по-своему: в зеленых глазах Сни-

керса она прочла тоску, одиночество, отчаяние, попытку не травмировать любимую хозяйку... Короче, еще чуть-чуть — и уже космос.

Оставив бедного Сникочку голодным, тетка рванулась на улицу.

До двух ночи соседи слышали тоскующий голос тети Риммы, призывно выкликавший: «Марсик! Марсик!» И видели золотой луч фонарика между деревьев. Все тщетно. Поиски пропавшего без вести Марсика ничего не дали. Ни под балконом, ни в подвале, ни в подъезде его не было. Несколько успокаивало то, что и хладный кошачий труп нигде не был обнаружен.

От страданий тетя Римма похудела и похорошела. В глазах у нее вместо оптимизма, привитого ей годами хождения с рюкзаком, появился трагизм, что очень ей шло.

Через два дня поисков кто-то из знакомых сказал тете Римме, что коты, если они упадут с высоты, далеко от места падения не убегают. Они, дескать, переживают такой стресс, что забиваются в какое-нибудь укромное место недалеко от места трагедии и не отзываются на зов хозяев, даже если те кричат совсем близко.

Самым близким к месту падения укромным уголком было крыльцо подъезда. А под крыльцом — дыра. И первое, что увидела тетя Римма, заглянув под крыльцо, — эти глаза напротив, калейдоскоп огней. Зеленые зенки Марсика. Тетя Римма выволокла сопротивлявшегося Марсика, отнесла домой, долго над ним причитала. И даже взяла на два дня больничный по уходу за котом. Марсик довольно скоро оклемался.

Но тут возникла проблема: балкон. Тетя Римма стала бояться открывать балкон и окна. А жара стояла — ну да вы помните какая. К вечеру квартира, окна которой выходили на юг, представляла собой пышущую зноем коробку. Находиться в ней было невозможно. Тетка мучилась, не спала по ночам от жары, но дверь на балкон не открывала. Наконец она сообразила пришпандорить на форточку сетку от комаров. В доме было по-прежнему жарко. Тогда она попыталась проделать тот же фокус с открытой балконной дверью. Но он не прошел. Коты, одуревшие от жары, рвались на воздух. Под их мощными когтями пластиковая сеточка разлеталась на волокна.

Тогда тетя Римма решила поставить на балкон решетки. Но вовремя сообразила, что расстояние между прутьями достаточно велико, чтобы ее сокровища могли вывалиться с балкона еще раз. Путем сложных умозаключений тетка сообразила: балкон надо огородить сеткой. Что-то вроде рабицы на даче. В пятисантиметровую дырку ее разожравшиеся Марсик и

Сникерсик явно не просочатся. Натянуть сетку на три металлические рамы, уголки этих рам сварить. И — жизнь прекрасна, это даже коту ясно.

Тетя купила народную газету «Из рук в руки» и стала звонить по объявлениям. И тут она обнаружила: сетка на балкон — это вам не кот начихал. Это сложная, прежде всего интеллектуальная задача, постичь которую может далеко не каждый. То есть остеклить балкон или украсить его решетками — да, пожалуйста. Так же, как поставить забор из рабицы. Но решить комбинированную задачу, а именно огородить сеткой балкон, — это вызывало у балконных дел мастеров ступор.

Наконец тетя Римма дозвонилась до некоей фирмы, где милейший человек с армянским акцентом очень ласково расспросил ее о проблеме. Диалог состоялся такой:

— Так вам сэтку на балкон?

— Да.

— А на какой этаж?

— На четвертый.

— А у вас там кто?

— Коты.

Пауза.

— Что, дорогие очэнь?

— Нет, очень любимые, — ответила тетя Римма.

Пауза.

— Ладно, завтра прыдет замэрщик.

Назавтра «замэрщик» не пришел. Не пришел он и на второй день. На третий день тетя Римма позвонила в фирму. Тот же самый ласковый армянский голос пообещал ей, что Ашот придет завтра.

Так продолжалось ровно две недели. Тетя сходила с ума в жаркой квартире. Коты сходили с ума тоже. «Замэрщик» все не являлся. И вот в тот самый день, когда милый человек на другом конце провода сказал, что завтра Ашот вот уж точно, наверняка придет, честное слово («Теперь правда придет», — низким бархатным голосом пообещал тете Римме невидимый собеседник), тетя взорвалась. Она заявила, что таких, как они, полна газета «Из рук в руки» и что она с ними дело иметь не хочет.

Разорвав отношения, которые еще и не успели возникнуть, тетя Римма опять приникла к народной газете и к телефону.

Диалог, который происходил всякий раз, повторялся с точностью до пауз, интонаций. И даже до акцента.

Почему-то, с удивлением выяснила тетя Римма, остеклением, обрешечиванием и так далее балконов занимаются исключительно выходцы из солнечной Армении. Поскольку единственный, но так и не созревший до логического завершения девичий роман тети Риммы был именно с армянским юношей на студенческой практике в Ереване, сердце ее всякий раз екало, когда она слышала милый акцент.

— Так вам сэтку на балкон?

— Да.

— А на какой этаж?

— На четвертый.

— А у вас там кто?

— Коты.

Пауза.

— Что, дорогие очэнь?

— Нет, очень любимые, — отвечала тетя Римма.

Пауза.

— Ладно, завтра прыдет замэрщик.

«Замэрщик» так и не приходил. Тетя Римма комплексовала, как много лет назад, когда Рубен пригласил ее в кино на последний сеанс. И звонила снова — в другую фирму.

Неожиданно в АОЗТ «Пчелка» тетю Римму выслушали с интересом.

Но сначала все было, как всегда.

— Так вам сэтку на балкон?

— Да.

— А на какой этаж?

— На четвертый.

— А у вас там кто?

— Коты.

Пауза.

— Что, дорогие очэнь?

— Нет, очень любимые, — уже раздраженно сказала тетя Римма.

— Приезжайте к нам завтра пораньше, часов так в дэсять, заключите договор. И на другой дэнь к вам прыдет замэрщик.

— К вам — это куда? — спросила тетя Римма.

Выяснилось, что в Северное Бутово. Завтра было как раз субботой.

И вот тетя Римма в субботу утром по дикой жаре и окружной дороге пилит в Северное Бутово заключать договор. Но основная масса граждан

в это время по той же окружной дороге прется на дачу. Короче, пробка, пыль столбом, жара дикая, мат-перемат. Тетя едет в Бутово ровно четыре часа, мечтая только об одном — оказаться в туалете, сортире, клозете, гальюне, увидеть его, детку, солнышко ее. А фиг ли было напиваться чаем перед путешествием в Северное Бутово?

Наконец вспотевшая, измученная и изнемогающая от простейшего физиологического желания тетя появляется в АОЗТ «Пчелка», расположенном в заплыванном подвале не менее заплыванного подъезда.

В момент появления тети Риммы в подвале три его обитателя как раз обсуждали ночь, которую они провели на пляже, количество выпитых там пива и водки, качество девок, которых они там словили, и, наконец, самое животрепещущее — не подхватили ли они чего, потому что презервативов ни у кого не оказалось.

При слове «презерватив» тетя Римма застыла как соляной столб.

Не обращая на нее никакого внимания, дети солнечной Армении продолжали обсуждать свои проблемы. А именно: все они дико не выспались, потому что в пять утра только уехали с пляжа. И что надо поехать продолжить.

— Дэвушка, а вам чэго? — спросил наконец один из них, обнаружив на пороге богоугодной конторы тетю Римму.

— Я договор приехала подписывать, — гордо сказала она.

— Это к Симону.

Симон принес бланки, печати и заключил с тетей Риммой, которая так и не вышла из транса, договор, что в понедельник к ней приедет замерщик, а через два дня АОЗТ «Пчелка» установит у нее на балконе сетку.

— А теперь прэдоплата, — радостно сказал Симон.

— Ты что, сбрендил? — неожиданно прорвало тетю Римму. — Посмотри на своих работников.

Симон с сомнением посмотрел на них.

— Ладно, иды, — сказал он, — жды.

С договором в зубах, мукой в мочевом пузыре и верой в понедельник тетя Римма покинула АОЗТ «Пчелка».

Надо ли говорить, что в понедельник никто не пришел? И во вторник и т. д. Пока какой-то добрый человек из АОЗТ «Пчелка» не посоветовал тете Римме не звонить, «потому что мы все равно не приедем».

— Почему? — изумилась тетя Римма.

— Потому что наша фирма ставыт заборы из сэтки. И дэньги получает за мэтраж. А у тэбя какой мэтраж?

— Четыре метра,— сказала тетя Римма.

— Ну и зачэм нам это?

— А зачем же вы тогда заключали договор? Что ж вы сразу не сказали?

— А мы думали...

Тетя Римма вооружилась газетой «Из рук в руки» и опять стала звонить. Неожиданно по одному из телефонов ей ответил усталый голос без акцента.

— Так вам сетку на балкон?

— Да.

— А на какой этаж?

— На четвертый.

— А у вас там кто?

— Коты.

Пауза.

— Что, дорогие очень?

— Нет, очень любимые,— заученно сказала тетя Римма.

— Ну, сейчас подъеду,— сказал ей собеседник.

И правда, через час в дверь позвонили. На пороге стоял лысоватый мужчина с усталым добрым лицом.

— Петя,— отрекомендовался он.— Показывайте.

Тетя Римма показала. Потом рассказала. Сначала ужасную историю про Марсика. Потом свою жизнь. Устроившись на кухне — только там в прокаленной июньским зноем квартире и можно было дышать,— она изливала Пете свою душу.

— А может, окрошечки? — спросила она у Пети.— У меня домашний квас холодненький.

— Давай, Рим,— сказал он.

Потом Петя померил балкон. И уже через день возник с сеткой, натянутой на рамы. Очень быстро все установил, время от времени бросая странные взгляды на тетю Римму. Тетя покраснела и не знала, куда девать руки.

— Слушай,— спросил он ее ночью, когда тетя Римма лежала, прильнув к его веснушчатому плечу,— а у тебя правда так никогда никого и не было?

— Правда,— прошептала тетя Римма.— Я всю жизнь ждала тебя. Слушай, а откуда ты такой взялся? Ты вообще кто? Где работаешь?

— Да в психиатрической больнице. Сетки на окна психам ставлю.

ТЕЛО УЖЕ НЕ ТО

Случилось страшное. Семен Аркадьевич уехал в командировку на выставку часов в Базель. Перед отъездом он заклинал мать не ходить в рестораны поздно вечером, не делать глобальных покупок, не смотреть кино до двух часов ночи, не открывать дверь незнакомым людям, не пытаться покраситься в нежно-фиалковый цвет, не ездить в одиночку на дачу. Список был вполне исчерпывающий, тем более что Семен Аркадьевич все оговорил, как ему казалось.

Дело в том, что у матушки есть одна довольно хлопотная для окружающих черта. Она четко ориентируется на какие-то внешние, сугубо частные моменты, начисто упуская из внимания суть происходящего. Семен Аркадьевич до сих пор вспоминает с содроганием, как в Арабских Эмиратах ее чуть не увез какой-то араб. А все потому, что она, выйдя из магазина, шла «на цвет». У них с Семеном была голубая машина, и она, увидев голубую машину, на нее и пошла. Тщетно Семен Аркадьевич сигналил ей из соседнего автомобиля. Она уселась в машину к арабу, который воспринял ее появление с большим энтузиазмом. И сразу тронулся с места. И если бы Семен не выскочил и не начал ломиться к этому арабу в тачку, неизвестно, чем бы все кончилось.

В другой раз она умудрилась потерять Семена Аркадьевича на Елисейских Полях. Стоило ему на секунду отвернуться, как ее и след простыл. Оказалось, матушка держала Семена Аркадьевича, как она выразилась, в поле зрения. А поскольку он был одет в замшевую куртку, то, держа в поле зрения замшевую куртку, она рядом с ней и шла. С большим удивлением обнаружив через полчаса, что преследует незнакомого ей гражданина. А главное — находится непонятно где и мужа своего потеряла опять-таки непонятно где. В этот раз Семен Аркадьевич уезжал всего на неделю. И по идее ничего страшного с матушкой случиться было не должно. В конце концов, а я на что?

Мать решила потратить доставшуюся ей свободу на собственную красоту. Она сходила к парикмахеру, честно выполнив требование Семена не краситься в фиалковый цвет, потом к маникюрше, потом к косметичке. И на обратном пути заглянула в магазин. В отделе косметики ее внимание привлек какой-то новый крем для тела. Длинная аннотация обещала, что кожа после первого же применения крема станет шелковой, бархатистой, нежной, упругой. Что в его основе натуральные компоненты, что это новое поколение качественной косметики. Внушительная цена зримо подтверждала тезис о новом поколении. В общем, мать покрутила тюбик, понюхала, помазала крем на тыльную сторону руки и купила. И принялась изучать уже купленный крем. Переводной аннотации ей показалось мало, и она, отклеив листочек на русском языке, начала изучать французский текст. Посмотрела срок годности, компоненты, из которых сделан крем, какой эффект, когда надо ждать результата и т. д.

На следующий день она позвонила мне днем на работу и пожаловалась, что все ее тело зудит и чешется. Может, это аллергия? Тогда на что? Она ничего нового не ела и вообще постилась. На улице еще ничего не цветет. Может, дело в щетке, которой она растирается каждое утро после контрастного душа? Вообще же утренняя процедура у матушки выглядела так: она делала зарядку на лоджии, потом принимала контрастный душ, потом растиралась щеткой, потом мазалась кремом, чтобы стать нежной и упругой, и только потом шла варить себе кофе. Мы еще раз вернулись к щетке, и мать решительно уверилась, что дело в ней. «Ну вот, — сказала она с тоской, — с этим зудом, наверное, и мыться нельзя». — И повесила трубку.

На другой день ситуация усугубилась. Уже к полудню — несмотря на то, что предательская щетка была исключена из утреннего моциона — все ее тело покрылось красной сыпью, которая чесалась еще яростней, чем вчера. Мать выпила супрастин, поскольку причину своих бед она видела или в аллергии непонятно на что («на жизнь», мрачно пошутила она), или в контрастном душе. Честно говоря, не могу понять, с чего она взяла, что виноват контрастный душ. Но было решено, что на следующий день она контрастный душ принимать не будет. Тем более что к вечеру красная сыпь начала трансформироваться в маленькие нарывчики.

Благодаря супрастину, который, если кто не знает, действует как снотворное, мать заснула. Утром она просыпалась тяжело. Все тело ее болело и зудело. Ни повернуться, ни двинуть рукой или ногой она не могла. Еле-

еле поднявшись, стараясь не сильно сгибать и разгибать руки и ноги, она отправилась в ванную. Зеркало отразило душераздирающую картину — тело матушки было пламенно-алого цвета, все в гнойниках, некоторые из которых лопнули и сочились сукровицей. Естественно, под душ мать не полезла. А только очень осторожно намазала свои раны новым кремом. После чего пошла пить кофе.

К вечеру все ее тело было покрыто струпьями и нарывами. Малейшее движение доставляло ей страдание. Если рука прикасалась тыльной стороной к боку, это вызывало мучительную боль. То же с ногами — передвигаться по квартире надо было так, чтобы внутренние поверхности бедер не касались друг друга. Мать не могла даже одеться, потому что прикосновение хотя бы легкого шелка к телу было мучительно.

Мать не могла лежать, сидеть, спать, читать, смотреть телевизор. К вечеру у нее поднялась температура. В пять часов вечера было тридцать семь и шесть. Зато к вечерним новостям матушка лежала в бреду с сорока.

Так, отпаивая ее вечером парацетамолом, я и выяснил, что матушка купила новый крем для тела.

— Мама, — заорал я, — что ж ты раньше молчала? Какого лешего ты продолжала мазаться этой химией?! Да у тебя кожа вообще на фиг может слезть. Они тебя угробят. Срочно в магазин, в суд!

Мама в горячечном бреду без всякого интереса наблюдала за мной.

Два дня она лежала в лежку и только пила. Понемногу температура спала. Зато раны и струнья сочились кровью и гноем. Перевязывать мать было невозможно: у нее болело все. На четвертый день ее болячки начали подсыхать, но это не уменьшило ее мук — потому что нежно-розовая новая кожа оказалась страшно чувствительной, а подсыхающая старая кожа слезала сухими чешуйками и страшно кололась. Зато уже не было температуры.

Тут так и просится знаменитая семейная история про тетю Женю, старшую сестру моей бабушки, бывшую красавицу и кокетку. Незадолго до того, как тетушке стукнуло девяносто пять, входит покойная бабушка в комнату и застаёт сестру полураздетую и в слезах. Седые волосенки все дыбом. Глазки, некогда бывшие бездонными синими очами, несчастны и полубезумны. «Женечка, что опять случилось?» — с тоской спрашивает бабушка, поскольку тетка нам скучать не давала. Она то теряла пенсию, подозревая нас в ее краже, то включала газ, то начинала ночью красить

губы и т. д. и т. п. «Катенька, Катенька! — рыдает тетя Женья. — Я сейчас посмотрела в зеркало. Тело уже не то!»

Звук падающего тела бабушки. Шок. Занавес.

...Еще через день мать позвонила мне и сказала, что идет в магазин устраивать сцену.

Далее события разворачивались так. Мать вполне нагло открыла ногой дверь заведующей магазином. И на повышенных тонах, чувствуя себя вправе, начала рассказывать о своих злоключениях. Про струпья. Про температуру сорок. Про больничный. Последним аккордом была демонстрация рубцов от заживших нарывов на бедрах. Заведующая присмирела, загрустила и попросила мать написать все это на бумажке — чтобы направить в фирму, которая и продала магазину злополучный крем.

— Я никогда не писала жалоб! — гордо провозгласила мать. — И не знаю, как это делается. Диктуйте вы, а я буду записывать.

— Пишите, от кого: имя, отчество, фамилию, — кротко сказала заведующая. — Я пришла такого-то числа в магазин такой-то по адресу, — далее шел адрес, — и купила шампунь...

— Крем для тела, — поправила мама.

— Шампунь, — уточнила заведующая.

— Как — шампунь?! — воскликнула мать, и страшная догадка пронзила ее. — Я же просила крем для тела!

— А вам дали шампунь. Наверное, перепутали, — заметно повеселев, сказала заведующая. — Вы бы прочитали надпись на тюбике, прежде чем мазаться.

На тюбике и правда большими буквами было написано: «Дермошампунь». И ниже маленькими буквами сообщалось все то, что так внимательно изучила матушка, а именно: срок хранения, компоненты и т. д.

— Мать, — умирая от хохота, сказал я, — у меня только один вопрос. Как ты после этого оттуда уходила?

— Я сказала, что так это дело не оставлю, — сказала она. — Как ты думаешь, если это на самом деле шампунь для тела, можно мне, наконец, помыться?

А назавтра приехал Семен Аркадьевич. И, осмотрев мать, печально сообщил, что тело и правда уже не то.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

«Велика Россия, а отступать некуда», — говаривал мой приятель Петя Завивалов, отправляясь в очередную командировку. Говоря об отступлении, он имел в виду сдачу завоеванных жизненных позиций. Ибо только бомжам и богам ничего не нужно. Простые же смертные, как только обрастают мало-мальской собственностью, в один прекрасный момент осознают, что раб лампы — это не про Алладина, как казалось в детстве, а про них. Все эти дачи-машины-гаражи-квартиры требуют ежедневного вдумчивого обслуживания.

Вышеупомянутая же фраза эта повисала в воздухе накануне командировок: Петя занимался юридическим консалтингом («в воздухе запахло серой», привет от Воланда,) и у него была обширная клиентура по всей стране. Вернее не у него, а у его фирмы, где наш герой трудился над выращиванием зеленых побегов на скудной и скупой родной почве.

Бывали командировки удачные, бывали так себе. Но вояж в Хабаровск отпечатался в Петинем сердце, как первый сексуальный отказ — глубоко и оскорбительно. Воспоминания об этой поездке всегда вызывали в нем волну обиды и разочарования.

Суть того, чем занимался наш герой в славном и далеком городе, не так важна. Петина команда прибыла на крупное предприятие для решения целого ряда проблем — на неделю и за хорошие деньги. «Чтобы это доставило мне удовольствие, так нет», — как сказал герой известного анекдота. Труды праведные и правда оказались нелегкими. Предприятие было военным. Поэтому к отвратительному климату и холоду, скверной гостинице и гадкому питанию добавьте то, что на работу и с работы Петя со своими сотрудниками проходил в сопровождении автоматчиков. Пропуска в забронированную комнату, которую директор предприятия — большой и грозный Степан Петрович Кольцов — выделил для работы, выписывались каждый день заново. Компьютеры, на которых они работали, не имели вывода. То

есть ни распечатать, ни скинуть на дискету информацию с них было невозможно. Плюс обыски при входе и выходе с предприятия и работа в субботу и воскресенье по двенадцать-четырнадцать часов. Соответственно и приходилось работать в этой конуре с желтыми стенами по ночам. Причем, тоталитарная система — как это и полагается — время от времени давала сбои. То начальник охраны ушел отмечать день рождения и забыл оставить списки на проходной, и когда веселенькие и расслабленные консультанты попытались покинуть в два часа ночи помещение, ничего не ведающая охрана просто положила их на пол. Пришлось ночью вылавливать начальника охраны у любовницы, и все то время, пока наш Ромео добирался на режимное предприятие, чтобы поставить свою закорючку на бумажке (по телефону ни-зя!), Петя со своими сотрудниками сидели в какой-то кутузке. То в пропуске оказалась пропущенная буква, и вся бодяга с проверкой, так сказать идентификацией личности, началась сначала.

Это я плавно подвожу тебя, читатель, к тому, что только сладкая мысль о наличности и надежда о скором возвращении к родному очагу согревала озябшего Петю Завивалова и его очкастую команду из Москвы. Они высекали зарубки на стенах обшарпанной гостиницы, считая дни командировки, завязывали узелки на память и вообще тихо и от души желали Степану Петровичу Кольцову покрыться коростой и мучительно чесаться всю оставшуюся жизнь. Причем самые мстительные были бы не прочь, если бы подобная участь постигла и ни в чем не повинную охрану вместе с ее любвеобильным начальником. Чтоб ему спать и просыпаться с автоматом всю оставшуюся жизнь.

И вот последняя, четырнадцатая зарубка на притолоке. И наш Петя, нервно подтягивая узел галстука, идет на прием к господину Кольцову — деньги, документы, билеты, большое человеческое спасибо. И, желая примирить себя с жизнью, размышляет — шагая по унылым коридорам в сопровождении автоматчика, — что в этой дыре он мог бы родиться. А так ему здорово повезло — приехал на две недели и скоро уедет с кучей денег. Здравьете, Степан Петрович. Здравьете, Петр Алексееч.

Господин Кольцов, большой и грузный, пил коньяк, пуская кольцами дым дорогой сигареты. Жестом он пригласил Петю присесть, плеснул выпить.

— Ну, — радостно улыбаясь, сказал Петя, — мы работу, как вы, Степан Петрович, знаете, закончили. Хотелось бы рассчитаться и... И нам пора.

Кольцов выпустил еще одно кольцо дыма:

— Дело в том, Петр Алексеевич, что возникла тут у нас еще одна проблемка... Мы когда вас приглашали, о ней не подумали. В общем, надо остаться еще на десять дней, поработать.

— Десять дней? — Петя аж подпрыгнул в кресле, расплескав коньяк на колени. — Да вы шутите, Степан Петрович! У нас другие проекты, семьи, в конце концов...

— Семьи не в конце концов, а в начале начал, — брюзгливо сказал Кольцов. Потом, прищурившись и облокотившись на руку, он внимательно и отстраненно посмотрел на Петю.

— Значит, так, Петя, — неожиданно фамильярно сказал он. — Это — край света. Вот не заплачу я тебе денег, выгоню из гостиницы. И посмотрим, что ты тогда скажешь. Иди подумай полчаса и потом возвращайся.

Из кабинета Кольцова элегантный Петя вышел красным и униженным. Первой мыслью его было — плюнуть на все и жить на вокзале, пока Кольцов не устыдится. К счастью, здравый смысл подсказал ему, что этого не будет ни-ког-да. Эта порода тем и отличается от всех остальных, что, в силу чисто видовых отличий, у нее орган, отвечающий за стыдливость, не развит в принципе. С таким же успехом можно было бы требовать от барракуды, чтобы она пела бельканто.

Разговор с подчиненными, которые уже покидали вещички в дорожные сумки, был тяжелым. Но выхода не было — надо было оставаться. То есть можно было бы телеграфом получить деньги из дома и уехать отсюда. Забыть слово «Хабаровск», думая, что это уже японская территория. Но неполученных денег было жалко. Причем чем ужаснее были картины мести господину Кольцову, рисовавшиеся Петиному воображению, тем тоскливее становилась думка о гонораре.

Раздражение не лучшее чувство. Тем более что температура кипения у всех разная, а значит, взаимопонимание здесь так же недостижимо, как взаимность между капустным листом и улиткой. В общем, еще десять дней в этом краю солнечного сияния и вечной мерзлоты они отработали. Когда Петя Деев заикнулся о договоре на новый фронт работ и гонораре, Степан Петрович весело посмотрел на него: «Ну, один договор у вас есть. По нему мы и расплатимся». — «Но ведь мы сейчас выполняем работу, тем договором не предусмотренную», — уточнил Петя. «Ну у вас в столице и запросы, — крикнул Степан Петрович. — Да за такие деньги и еще месячишко поработать можно».

В Москву наша бригада скорой юридической помощи вернулась усталая, недовольная и не любящая ближнего. Что наш герой мог сказать своим подчиненным? Что белый свет мал. Что в этой истории еще не поставлена точка. И что неизвестно еще, в какой ситуации в следующий раз столкнутся они с господином Кольцовым. «Сиди и жди, пока мимо тебя пронесут труп твоего врага, — процитировал он классика, — время все поставит на свои места». И в голосе его не было ни уверенности, ни твердости.

А зря. Потому что как в воду глядел. Труп он, конечно же, не дождался. Прошли уже те времена, славатебегос-с-споди, когда обидчика провозили в дубовом гробу, как жареную форель в фольге, под окном обиженной сироты. Да и герой наш из другой породы. Так вот, восемь месяцев спустя раздается в его кабинете телефонный звонок. И кто бы вы думали то был? Степан Петрович Кольцов собственной персоной. Прибыл в Москву с целью посещения высоких кабинетов. С щепетильной задачей — раздать взятки кому надо. В общем, сумма, Петр Алексеевич, столь большая, что просто так списать ее предприятие не может. Необходима изящная юридическая декорация. А потому нельзя ли оформить это так: как будто бы Петина фирма провела аудит или там консультации для кольцовского предприятия. Чтобы эти взятки были оформлены как гонорар за проделанную работу. Ну и, естественно, фирма получит свой процент за эту деликатную помощь. Он назвал крупную цифру. Петя ее утроил.

Кольцов согласился не торгуясь.

Он говорил, говорил, голос его искательно рокотал в телефонной трубке, а на Петинем лице расплзалась торжествующая людоедская улыбка.

— Конечно, приезжайте, Степан Петрович, — сладчайшим голосом произнес он. Но Кольцов не почувствовал подвоха.

«Не тот уже стал, не тот», — покачал головой Петя, опуская телефонную трубку на рычаг.

Степан Петрович примчался в Петин офис через сорок минут. Он влетел в кабинет раскрасневшийся, с выбившимся галстуком, с бутылкой коньяка во вспотевших пальцах. Глянув на бутылку, Петя почувствовал приступ тошноты.

— Договорчик, — на бегу Степан Петрович расстегнул дорогой портфель и выудил бумажку из темных недр.

— Деньги, — скомандовал Петя, кивнув охраннику, который провожал Кольцова в кабинет к шефу.

— Да-да, конечно, — кивнул Степан Петрович и передал Пете толстенькую стопку зелененьких бумажек. Кои Петя убрал во внутренний карман пиджака.

Потом, глядя в глаза Степану Петровичу и нежно улыбаясь ему, он медленно разорвал договор. С удовлетворением и тихой любовью глядя ему в глаза. Наблюдая, как оживленное возбуждение сменилось растерянностью и обидой.

— Это — Москва, — ласково сказал Петя, сметая мелкие бумажные кусочки в мусорную корзину. — Поэтому уезжайте, Степан Петрович.

— Ну ты злопамятный, — чуть отдышавшись от первого потрясения, произнес Кольцов.

— Ну что вы, Степан Петрович. Я не злопамятный. Я злой. А память у меня и правда хорошая.

Вот вам и вся история о торжестве справедливости. И кто вам сказал, что оно, торжество то есть, должно выглядеть как-то иначе?

Главное, что все, кому я это рассказываю, жалеют Кольцова. Все-таки тот, кто оказывается в дураках последним, имеет эксклюзивные права на человеческое отношение.

В ДЕЛО ИДУТ ЗНАТОКИ

Уж сколько раз твердили миру, что месть гнусна, вредна, а только все не впрок. И в сердце это садистское чувство всегда отыщет уголок...

Впрочем, нынешняя история имеет множество культурных аллюзий. Потому как под руку с тенью дедушки Крылова, создателя первого сериала «В мире животных», здесь будет выступать другой, не менее почтенный призрак Павлика Морозова. Бдительного школьника, доблестного сына районного участкового, маленького человека с активной жизненной позицией.

Короче, в дело идут знатоки.

Одни глядятся в ласковые взоры, другие пьют до солнечных лучей. Если, конечно, здоровье позволяет. Потому как годы берут не только свое, но и чужое. Я имею в виду здоровье. Поэтому до солнечных лучей уже фиг посидишь. Причем динамика неутешительная. Раньше мы расхаживали в три, потом гульбарий стал плавно закругляться в двум. И вот пожалуйста — печальный рекорд. В час ночи Ляля решительно поднялась и сказала, что ей пора домой — завтра ей надо ехать на дачу, а для этого встать пораньше. Пришлось сказать последнее «прости» Гаврикову, чей день рождения мы отмечали в «Петровиче», и везти Лялю домой. Оно вроде и недалеко. Но на самом углу перед Лялиным домом меня тормознул гаишник. И когда я наконец выбрался к нему из машины (нельзя сказать, что я нетвердо стоял на ногах, но некоторая плавность в движениях наблюдалась), он встретил меня как родного. А вот на Лялю посмотрел укоризненно: «Что же вы, девушка, с таким водителем ездите? Жизни не жалко?» Девушка фыркнула и выскочила из машины.

— Постой, постой! — кричал я ей вслед, удерживаемый профессионально цепкой рукой гаишника, но она только помахала ладошкой.

— Ты тут разбирайся, мне два шага. Пока!

Разобрались мы, кстати, довольно быстро.

И если мои приключения закончились на пятидесяти долларах, за которые меня с эскортом проводили до дому, то Лялины, как потом выяснилось, только начались. Потому как давно прошли времена, когда нетрезвая женщина могла в любимом городе спать спокойно на скамеечке.

Выскочив из моей машины, Ляля пересекла двор, утопающий в цветущей черемухе, — и даже постояла, прижавшись к шершавому стволу, вглядываясь в черное весеннее небо. И только подходя к подъезду, увидела, что у ее ног колышется чья-то тень. За ней кто-то бесшумно шел. Будь Ляля потрезвей, она бы наверняка струхнула и, развернувшись, побежала обратно, к менту на угол. Но тут Ляля здраво рассудила, что до дома рукой подать и ничего с ней не случится. Тем более что у нее в сумочке лежит осколок тунгусского метеорита, который ей Гавриков привез из очередной командировки в русское захолустье. Зачем дарить девушкам булжники размером с антоновское яблоко, я не понял, но Гавриков всегда умел придать оригинальность своим бессмысленным подаркам.

Домофон был, к несчастью, сломан. Ляля шмыгнула в подъезд. И поняла, что дверь за ней не захлопнулась. Некто вошел за ней. В следующую секунду она почувствовала шершавую руку на своей шее.

Резко повернувшись, она увидела высокого обросшего парня в черной футболке. Пару секунд они смотрели друг другу в глаза.

— Сумку отдай и иди, — сказал он.

Ляля молчала.

— Я что сказал? — уже с угрозой произнес парень. И потянулся за сумкой.

Бедняга не знал, что в университете Ляля занималась метанием ядра. Любимая два раза прицельно долбанула его сумкой с метеоритом по голове — парень отключился и начал сползать по стенке. Ляля не растерялась и решила воспользоваться временным преимуществом — она вцепилась ему в волосы и начала колотить головой об стену.

Но тут из полуоткрытой сумочки выпал Лялин кошелек. Ляля замешкалась. Надо было выбирать — добывать жертву или поднимать кошелек. Это-то секундное замешательство и спасло грабителя. Резко отпихнув Лялю, он схватил кошелек и бросился вон из подъезда.

— Караул! Грабят! — завопила Ляля во весь голос и выскочила за ним.

Хорошо, что у сумки была длинная ручка. Размахивая ей и нанося удары (привет из тунгусской тайги!) по спине грабителя, Ляля скакала на длинных каблуках под цветущей черемухой в ночи за своей жертвой.

«Помогите!» — орала Ляля на весь ночной город. В доме начали зажигаться окна.

В хорошем темпе парочка добежала до помойки, обогнула ее два раза, потом вор свернул за дом и... исчез. Запыхавшаяся Ляля еще раз обежала двор. Грабитель как сквозь землю провалился. Милая женщина еще раз оглянулась — никого. Она попыталась подсчитать, сколько денег было в кошельке. Пустая банковская карта, закончившаяся членская карта спортивного клуба. Десятка, которой ей дали сдачу сегодня в булочной. Куча мелочи. И двадцать рублей, которые отдала Аленка, — той два дня назад не хватило на что-то, и вот сегодня она отдала.

Ну ладно. Ляля махнула рукой и собиралась уже отправиться домой, как увидела семь или восемь роскошных мотоциклов. Они стояли на улице, с ключами в замках зажигания, сияя боками, как стадо укорощенных роскошных животных. Но без единого водителя. Ляля пару минут поразглядывала это чудо природы. И, повернувшись на каблучках, намылилась уже к дому. И тут увидела целую толпу рокеров, которые тяжелой воинственной походкой направлялись к ней. В руках у двоих висел и даже перебирал ногами Лялин обидчик. А впереди всей компании шел маленький мальчик лет двенадцати.

Встреча одинокой женщины с камнем за пазухой и рокеров произошла в тишине.

— Он? — низким басом спросил старший, весь в коже, похожий на гориллу.

Ляля кивнула.

— Ваш? — так же басом спросил он, показывая Ляле ее кошелек.

Ляля забормотала слова благодарности.

— Вы это мальцу скажите, — сказала горилла и положила большую волосатую руку на хрупкое плечо мальчика. Тот, похоже, только и ждал, когда взрослые обратят на него внимание. И сразу зачистил противным звонким голосом:

— Я дома читал «Двух капитанов». Вдруг слышу крики: «Помогите!» А папка на дежурстве. Он у меня участковый милиционер. Ну я сразу понял — надо что-то делать. Вскочил (только тут Ляля увидела, что мальчик в пижаме) и побежал на улицу.

— Зачем? — удивилась Ляля.

— А я же знал, что Серый только что пошел на мотоцикле кататься. Мы соседи, — пояснил мальчик, переводя голубой взгляд на гориллу, — а

они как раз тут и стояли все за домом. Он когда от вас убежал — сразу им и попался, — гордо закончил мальчик. — Мы его уже ждали. Потому что отсюда две дороги. Одна — там, где мы его ждали. Другая — за угол, но там всегда гаишники стоят.

— Сын участкового, что вы хотите, — басом сказал Серый.

Ляля перевела взгляд на своего грабителя. Под глазом у него лиловел качественный фингал. Стоять вертикально он не мог и вообще явно находился одной ногой в Красной книге.

— Да не, мы его не поуродовали, не бойтесь, — заверил Серый.

— И куда его теперь? — с сомнением сказала Ляля.

В общем, пришлось ловить машину, везти неудачливого мародера в Склиф — так как сотрясение мозга он заработал, и, похоже, это было дело рук Ляли. Потому как рокеры грабителя не били, а только скрутили руки и отняли кошелек.

На следующее утро Ляля ни на какую дачу не поехала. А пошла с бутылкой водки, коробкой конфет и стопкой своих детских книжек объявлять благодарность участковому милиционеру — за воспитание сына.

После чего выставила ящик «Балтики» Серому и его команде.

Не успела она вернуться домой, как раздался телефонный звонок. Надтреснутый добрый старушечий голос произнес:

— Здравствуйте, это мама Костика. Ну, у вас с ним вчера вышла неприятная история. Надо бы ему подвести лекарства. — Потом мама Костика диктовала сложные названия, Ляля добросовестно все записывала, умирая от сарказма. С каждым часом ситуация становилась все более пародийной.

Еще полдня Ляля моталась по городу в поисках лекарств, которые в общей сумме стоили Ляле порядка ста долларов. Потом сорок минут парилась в пробке на Садовом.

Это все к вопросу о том, сколько стоят тридцать «деревянных».

За худшие чувства надо платить. И мстительность оказывается чуть ли не самой дорогостоящей эмоцией.

МАШИНА БРЕМЕНИ

Осуществленные мечты резко девальвируют. Еще вчера вам казалось, что счастье начнется после того, как вы уложите в постель Анечку, в которую были нудно влюблены с пятого класса. Но неожиданно результат оказывается совершенно обратным — Анечка начинает доставать вас: телефонными звонками, молчать в трубку, подсылать подруг, приносить вам на работу бутерброды. Вы собираете ехидные взоры сослуживцев и с тоской думаете, что вместо того, чтобы спокойно написать записку в номер, должны вести Анечку на тусовку. А может, попросить сходить с ней Гаврикова? — мелькает счастливая мысль. Гавриков оказывается в командировке. Тогда, может, Злыдникова из отдела бизнеса? У Злыдникова какое-то дурацкое интервью. Неужели тащить самому? «Анюта, дорогая, — мямлите вы в трубку, — понимаешь, у меня недописанный текст». — «Да-да, — с готовностью подхватывает она, — я могу приехать и подождать». В общем, рассказ «Крыжовник» на новый лад. Месть безумцу, который навеет человечеству сон золотой.

Другой мой приятель долго гудел, что хочет купить новую квартиру. «Двушка» на Смоленке была ему тесна. Выбор, что называется, пал. И попал в некое элитное строение, в которое предлагалось инвестировать деньги на нулевом цикле. Инвестировал. Прошло два года. То, что сейчас построено, совершенно не похоже на то, во что мой приятель инвестировал. Телефонов нет ни в одной квартире. А в подземный гараж, которым особенно гордились застройщики, никого не пускают. Пока все остальные не внесут по тридцать штук за пользование. Так мой приятель и паркуется на газоне, и звонит по мобильному.

Витька Гавриков всю жизнь мечтал что-нибудь выиграть. Ну правда, ведь есть же на свете люди, которые выигрывают холодильники и пылесосы, поездки на Майами, фотоаппараты, футболки, бутылки кока-колы

и даже машины. Ведь кто-то все это выигрывает. Тогда почему — кто-то? Почему не Витька? Мечта эта была вовсе не корыстная, как это может показаться. Наоборот, она была абсолютно возвышенная. Гаврикова волновал эксперимент в чистом виде. Счастливый случай сам по себе — данный ему в ощущениях. Собственно, ощущения-то его и интересовали больше всего.

Для приближения к мечте он не собирал фантики от супа или кофе. И даже не играл на «Поле чудес» — чего там ловить, кроме Якубовича, которому все по барабану? Раз в месяц Витька ходил играть в казино. Честно говоря, я не знал об этом до тех самых пор, пока он не занял у меня штуку в пятницу утром.

— Она же у тебя все равно не последняя, — сказал Гавриков.

— Хуже, — ответил я, — она у меня первая.

Назавтра утром Витька, конечно же, не появился, хотя и обещал. Зато позвонила его жена Светка с вопросом, нет ли у меня Витьки и не давал ли я ему денег. На два вопроса я ответил одним «нет», уговорив себя, что не сильно погрешил против истины. «Понимаешь, — посоветовала она, — мобильный молчит. Как ты думаешь, в морг уже звонить?» — «Я думаю, что морг — это последнее место, где его надо искать», — сказал я, лавируя между правдолюбием, состраданием к растерянной женщине и дружескими чувствами и прикидывая, сколько времени надо, чтобы прогудеть штуку баксов.

За день Светка обзвонила все больницы и морги, задолбала милицию и всякий раз принималась рыдать, услышав очередное «нет». «Можно подумать, они лишили тебя последней надежды», — сказал я ей, когда она позвонила в два ночи.

В воскресенье я держал ее за пульс, обзванивал всех наших общих приятелей, личных гавриковских подруг и персонального Светкиного психотерапевта. После чего я накормил женщину тазепамом, уложил спать и с некоторым облегчением отправился домой — все-таки часов восемь у меня есть возможность не думать о Гаврикове.

Проснулся я от отчаянного лая моего пса. По некотором размышлении я понял: на самом деле кто-то давно и упорно трезвонит в дверь, отчего пес и блажит.

— Кто там? — хмуро спросил я у двери.

— Параллелограмм, — услышал я голос Гаврикова.

Дикция была почти внятная. Я открыл дверь.

— И что ты меня не поздравляешь? — сказал он, вваливаясь в прихожую.

— С чем?

Витька потащил меня на кухню к окну и ткнул пальцем в стекло. Внизу, у самого подъезда, стоял черный шестисотый «мерседес». Ну конечно, подумал я, Витька во что-то вляпался, и его привезли ко мне за деньгами или мало ли за чем.

— Подожди, — сказал Гавриков и исчез.

Через минуту в прихожей раздался душераздирающий лязг и звон. Ящик водки, который мой друг хотел занести в дом, встретился со шкафом в передней. Похоже, все-таки хорошая дикция не может быть тестом на алкоконтроль. Несколько бутылок, однако, уцелели. Их-то Витька бесстрашно извлек из груды осколков.

— Выпьем, друг, — сказал Гавриков, наливая водку в хрустальную вазочку.

— Вить, — осторожно спросил я, — тебе кто-то подарил «мерс»? Или ты его угнал?

— Ты посмотри на эту машину, — сказал Гавриков, простирая руку с вазочкой к окну. — Эта машина может быть только подарком судьбы. — И шикарным жестом швырнул на кухонный стол ключи. — Я ее выиграл в казино.

— Документы! — сказал я, все еще надеясь на худшее.

Витька извлек из карманов документы на машину.

— Видишь, написано: «Гав-ри-ков».

Одной рукой я налил себе водки, другой задушил зависть, которая подняла свою змеиную головку. Мы выпили за машину, потом за Гаврикова, потом за меня, потому что штука была моя. Потом за Светку, которая будет ездить на «мерсе».

— Представь. Она завтра просыпается, смотрит в окно...

— И кидает в тебя тяжелым предметом, — подсказал я, вспомнив, как Светка провела последние три дня.

— Нет, в «мерс» она ничем не кинет, — поднял палец Витька. И мы выпили за укрощение строптивых. После чего и возникло закономерное желание покататься.

— Слушай, — сказал я, — давай прямо сейчас поедem к Светке. Представляешь, как она обрадуется.

Мы вышли к машине. В ночной прохладе она стояла тихо и была похожа на большое, красивое и невиданное животное. В багажнике «мерса»

был еще один ящик водки, который мы решили пока не трогать, разве что выпить на дорожку.

Ехать было недалеко: через мост, пересечь улицу — и все, собственно. На середине моста мы заметили впереди огоньки милицейской машины. «Заметут», — предупредил я Гаврикова. «Спартак» — чемпион!» — отреагировал он и прибавил газу. Наша машина рванула, как раз подъезжая к патрулю.

Свист и взмах палочки остались за спиной. Через минуту мы уже видели в зеркале огни фар милицейского «форда». К счастью, именно в этом районе жила моя вторая любовь и все переулки и арки я знал как родные. Мы нырнули во двор, вылетели на улицу через арку, пересекли улицу поперек, влетели в арку дома напротив, по газону проскакали к выезду из двора. Потом объехали гаражную стоянку и выскочили на пустой Ленинградский проспект. Оттуда на Миусскую — в нарушение всех правил.

Только через час мы поняли, что на хвосте никого нет. То ли мы действительно оторвались. То ли менты махнули на нас рукой. То ли они не сунулись в чужой район. Мы стояли под неведомым нам кленом напротив детской площадки и курили.

— Витьк, — сказал я, — есть предложение. Запираем машину, ловим тачку и едем домой.

— Это предложение надо отметить, — сказал Витька.

Мы выпили, заперли машину и побрели пешком на улицу, где были бы хоть какие машины. Минут через десять поймали «москвиченок» и двинулись ко мне — Светку было решено не беспокоить.

Все-таки женщины более бесцеремонны, чем мужчины. Светка позволила в семь утра.

— Он у меня, спит, — сказал я, — выиграл в казино черный «мерседес». Хотел завтра утром приехать к тебе под окна в новой машине.

— Ничего, — успокоила меня Светка, — сейчас я приеду к тебе под окна в старой.

Витьку мы все-таки разбудили.

— Дорогая, — сказал он, разодрав глаза и увидев Светку.

— Я все знаю, — предупредила она.

— Сейчас поедem за машиной, — пообещал он жене. — Слушай, — спросил меня Витька, — а ты не помнишь, где мы оставили «мерс»?

Где-где... Проще было ответить, где мы его не оставили. Детскую площадку — помню. Клен — помню. Улицу — не помню. Номер дома, район не

помню категорически. Так же, как и номер машины, документы на которую остались в Витькиной куртке, которая, в свою очередь, осталась в машине на заднем сиденье.

Неделю мы кружили по подворотням Москвы, присматривались к чужим «мерсам», за что два раза получили по шее. Потом через ГБДД выяснили номер машины и даже подняли на ноги знакомых ментов, чтобы те по своим связям поискали машину.

Птица счастья завтрашнего дня улетела, плюнув на меня...

От Витькиной удачи остались только ключи — светлого металла, как сказочный меч Ланселота, красивые, новые. Их можно художественно и небрежно выкладывать на стол. Но Витька этого не делает. Зато при случае он обязательно вворачивает: «Когда у меня был “мерс”»...

КОГДА АМОК «ФОРДА» ПЕРЕГОНИТ

Каждый приходит к счастью своим неисповедимым путем. Одному моему приятелю надо было оказаться в клинике для нервных больных (роман с дочерью большого советского начальника стоил ему депрессии, бессонницы, сердечных болей, мании преследования, тика на правом глазе и раннего облысения), чтобы встретить тихую голубицу — лечащего врача. Из клиники они сразу отправились в загс. И когда ему недавно позвонила первая любовь с ретроразговорами, то он честно ей признался, что ни о чем не жалеет и страшно благодарен ей, а особенно ее папе. Ведь иначе не встретил бы свою Зою. А к тикю он уже привык.

А другой мой приятель развелся с двумя женами-красавицами, тихими и смиренными, чтобы жениться на исключительной гарпии. Вчерашний домашний сатрап, устраивающий скандалы из-за налета пыли на книжной полке или двухдневного борща, он сейчас с полным для себя кайфом ходит в магазины и прачечную. Дело в том, что у него жена — большой начальник, так что все хозяйство и ребенок на нем. И тапочки, согретье на батарее, должны стоять в прихожей ровно в восемнадцать ноль-ноль.

А вот Ирка, моя школьная подружка, долго не могла устроить свою личную жизнь. То есть она ее несколько раз устраивала, и мужики попадались неплохие. Но что-то там не склеивалось, не слаживалось, не совпадало. И вот спустя год-полтора эти симпатичные мужчины, с которыми Ирка еще вчера ходила на концерты в консерваторию или фланировала по залам выставок, обиженно насупившись, запихивали в чемоданы носки и галстуки и убывали в неизвестном направлении в поисках своего неповторимого счастья.

Расставание с последним — филологом Андрюшей — Ирка перенесла особенно болезненно. Поскольку вместе с Андрюшей исчез и почти новый белый «фордик», к которому подруга моя привязалась гораздо больше, чем к самому Андрюше. В первый день после развода она силь-

но развеселила тетку в метро вопросом, сколько стоит проезд. Еще пару дней ловила такси, после чего поняла, что ездить на такси каждый день могут себе позволить только те, кому надоел «мерседес». Она потосковала, заняла по знакомым денег и купила привычный «форд», правда не первой молодости. Но ведь, сказать по правде, она и сама была не первой молодости. Так что они друг другу подходили. Причем — в буквальном смысле слова. Потому что ездить машина отказалась довольно скоро после того, как ее хозяйкой стала Ирка. Через неделю после покупки она стала буквально рассыпаться на части. Так моя подруга узнала дорогу в автосервис.

Первое посещение этого культового для мужчин заведения вызвало у нее священный трепет. Немногословный мастер Коля сказал, что машина готова. Забрал деньги и с этой секунды потерял всякий интерес к Ирке.

Ирка отъехала ровно на квартал, как машина опять встала. Трепетной ружкой она набрала на мобильном телефоне номер автосервиса и попросила мастера Николая. «Ну?» — услышала она в трубке хамский голос. «Это я, ваша недавняя клиентка, хозяйка “форда”. Он опять не едет», — нежным голосом сказала она. «А я при чем?» — ответил мастер Николай.

В общем, через полчаса Ирка ворвалась в автосервис, как американские самолеты в мирное небо над Ираком.

— А сейчас я тебе объясню, при чем тут ты! — завопила она, вытряхивая мастера Колю из чужей-то чужой машины, которую тот уже чинил. — Я сейчас порву тебя, как обезьяна газету! Деньги давай назад!

Обескураженный Коля побрел исследовать внутренности Иркиной машины.

На этот раз она проездила на машине пару дней. Бедняга Коля как раз рассказывал новым сменщикам о бешеной клиентке, когда эта валькирия с тихим шипением возникла на пороге сервиса:

— Та-а-ак... Чай, значит, пьем?

Мужики втянули головы как при артобстреле.

В конце концов Ирка договорилась с Колей, что ставит машину к нему. Тот проверяет все: что можно чинить — чинит, все остальное — меняет. Но чтоб машина ездил!

Бедный Коля! Одно дело просто чинить машину. Другое — чинить, зная, что на ней будет ездить скандальная баба. Тем более что и машина-то тоже как тот сокол, который много прожил и видел небо. Требовать от нее юношеской прыти было просто бессердечно. Поэтому Коля честно

сделал все, что смог. По окончании работ он вручил Ирине чек на круглую сумму.

— Это что? — раздраженно поинтересовалась она, глядя на чек, как Маугли на таблицу умножения.

— Чек, — смиренно сказал Коля.

— Это чек? Да вы, Коля, похоже, ни одного финансового документа в руках не держали. Я хочу знать, за что плачу, и полную калькуляцию...

Коля побрел сочинять отчет о проделанной работе.

— А где же скидка для постоянных клиентов? — спросила Ирка, когда внимательно изучила документ.

— А вы будете нашим постоянным клиентом? — мертвея, спросил Коля.

— Понимаешь, — честно объяснила ему подруга, — я тут столько заплата, что начинать эту бодягу в другом месте уже лениво. Да и вы мои требования знаете.

Так началась эта долгая дорога в дюнах. Мастер Коля, будучи человеком верующим, относился к Ирке как к Божьему испытанию. А поскольку раньше-то за машиной ухаживал беглый муж Андрюша, а сейчас за ней не ухаживала Ирка, то престарелый «форд» реагировал на тяготы жизни адекватно — ломался.

Вполне естественно, что она винила в этом скверный ремонт. А значит, Колю. Чего он только от нее не наслушался! Что он не умеет оформлять финансовые документы. И Коля начал особенно тщательно готовить калькуляцию для Ирки. Что он не умеет разговаривать по телефону — и тут же на рабочем месте она устроила ему показательные выступления.

Через несколько месяцев Колю повысили — за профессиональный рост. Он сильно надеялся, что новая должность избавит его от ненормальной бабы. Но Ирка и не думала менять мастера. Она продолжала учить Колю, где и почем ему покупать запчасти, как вести переговоры с клиентами и даже как одеваться и стричься.

К весне Колю повысили еще раз — сделали замначальника сервиса. Он уже не подходил к машинам, а сидел в офисе.

— Коля, какой из вас замдиректора, если вы, кроме гайки, в руках ничего не держали? — спросила Ирка, рассевшись с сигаретой в его кабинете, пока Коля скрепя сердце переодевался в соседней комнате в комбинезон (у нее в очередной раз сломалась машина). — Надо же расти над собой, учиться...

Бедняга пошел учиться в вечерний институт. Может, от отчаяния, может, не видел других путей расстаться с хозяйкой «форда».

Когда осенью Колю назначили директором автосервиса и коллектив, расслабившись, отмечал повышение, в дверях возникла Ирина. Ее за лето все основательно подзабыли — машину вылизали как игрушку, и была даже надежда, что в ближайший год она в сервисе не появится.

— Пьете на рабочем месте? — закричала она с порога. — А у меня диск погнулся, я в яму заехала.

Коля, вздохнув, поставил рюмку на стол. А на следующий день она появилась вновь.

— А я опять попала в эту же яму. Представляете, Коля, решила объехать, и опять туда же, — грустно сказала Ирина.

— Ну вы проедьте там еще раз пять, а потом я буду вам диск выправлять, — предложил Коля.

И тут произошло страшное. Ирка разрыдалась.

— Ой, — сказал Коля, ожидавший чего угодно, но только не слез, — вы не волнуйтесь, не плачьте, я сейчас все сделаю...

Ирина зарыдала еще громче, памятуя, что ресницы покрашены дорожной водостойкой тушью.

— Ну что вы, — бормотал Коля, глядя клиентку по руке и плечу, — я сейчас все сделаю.

Ирка склонилась к нему на грудь голову.

После чего выправлять диск пошел уже не Коля, а другой мастер. А Коля предложил выпить за свое новое назначение.

Ну они и выпили. Потом тот парень из сервиса, который выправлял диск, отвез Ирку домой на ее машине, а Коля вызвался ее проводить до квартиры. Поэтому Ирка пригласила Колю в гости.

Вот так и закрутилось. На той неделе они как раз поженились — менеджер по продажам и директор автосервиса. Правда, Ирка считает, что директора из Коли сделала она.

А Коля уже выставил на продажу старенький «фордик». Видеть, говорит, его больше не могу.

Иван Штраух

Личный опыт

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Н. Саркитов*

Художественный редактор *О. Скочко*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *Е. Яковенко*

Подписано в печать 28.02.08 г.

Формат 70x108^{1/32}. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 57 000 экз. Заказ № 0805400.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 февраля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Михельсон М. Труды по русской фразеологии: В 6 томах	1960 р.	О. Генри. Собрание сочинений: В 5 томах	995 р.
Детская энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Островский А. Собрание сочинений: В 6 томах	1014 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Авенариус В. Собрание сочинений: В 5 томах	990 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Алданов М. Собрание сочинений: В 8 томах	1232 р.	Ремарк Э. М. Собрание сочинений: В 8 томах	1592 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Сабанеев А. Собрание сочинений: В 8 томах	1456 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Сабатини Р. Собрание сочинений: В 10 томах	1820 р.
Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: В 7 томах	1386 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Горький М. Собрание сочинений: В 6 томах	936 р.	Сименон Ж. Собрание сочинений: В 10 томах	1990 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Карамзин Н. Полное собрание сочинений: В 18 томах	3060 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Купер Ф. Собрание сочинений: В 9 томах	1845 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Лесков Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1015 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.